

ВЕРА ЗАЙДЕЛЬ

НАСЛЕДСТВО

©

Зайдель, Вера. Наследство: Повесть / Вера Зайдель; Рисунок на обложке-Ольга Васильевна Зеленина; Дизайн-Тамара Манкеева. – Ашдод (Израиль): {Б. и.}, 2023. – 32 с. *В данной повести показана жизнь нескольких поколений одной семьи на фоне принудительной коллективизации, репрессий, фашистской оккупации, послевоенных трудностей. Любовь, предательство, верность – немало пережито и выстрадано героями. Читателей ожидает много интересного на страницах этой книги!*

Наследство

повесть

Как ни живи, как ни крутись
– горя не минуешь...
Русская народная пословица.

ПРОЛОГ

У каждого из нас своя история жизни, своё видение событий, свои печали, радости и боли. А прошлое дорого нам уж тем, что оно у нас было. Эта повесть написана на основе реальных событий, хотя все имена в ней изменены.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. УТРО, УТРЕЧКО

Я пребывала в редком и прекрасном состоянии блаженного покоя. Вроде бы и пора было проснуться, но сладкий сон не выпускал меня из своих райских объятий. Но этой идиллии, к великому моему сожалению, пришёл конец - резко и требовательно зазвонил телефон. Глаза открывать по-прежнему не хотелось. «Пусть себе трезвонит, - подумала я, лениво потягиваясь. - Пускай трещит, пока не уgomонится». И аппарат, словно подслушав мои грешные мысли, умолк.

Сегодня у меня выходной день. И я имею право поваляться в постели, сколько моей душе будет угодно. Готовить и убирать – не буду. Поем, что придётся. Лучше посплю ещё с часок. И лишь только я опять решила погрузиться в приятную дрёму, как коварный телефон внезапно ожил и зазвонил, вернее, завопил сильнее прежнего. Сон улетучился. Я потянулась за трубкой. Как жаль, что позабыла отключить телефонный аппарат! Этот процесс был настолько лёгок в исполнении, что от злости на самоё себя я даже заскрежетала зубами.

В трубку нервно дышал мой сын Тимофей. Для друзей, которых он сверх меры обожал, просто Тим. А по-домашнему – Тимоша. Сын почему-то звонил не со своего мобильного телефона, коим он безмерно гордился, а из уличного автомата. И был необычайно взвинчен:

- Мать, ты что? Почему до сих пор валяешься в постели да ещё и не берёшь телефонную трубку? Я ведь уже битый час тебя ожидаю на улице!

И тут меня словно стукнула, ударила и даже подбросила какая-то сила. Ну и дела! Совсем склероз замучил бедную мою головушку! Но для этого серьёзного недуга вроде и время ещё не наступило, не пришёл сей грозный час!

Мой педантичный сын всю неделю трезвонил и напоминал мне о неотложных делах сегодняшнего дня. Господи, сохрани и помилуй! Ну как же я позабыла! Ведь в срочном порядке необходимо было освободить проданную квартиру, принадлежащую моей, недавно покинувшей этот мир, матери.

В основном все вещи из неё уже были вывезены. Осталась та мелочёвка, за разбор которой никто и никогда братья по собственной воле не будет. Вот такую работёнку и сплавил мне в мой законный выходной любимый сынок, который по завещанию бабушки стал наследником этого жилья. Деньги были им получены. Но ключи находились у меня. И теперь мне суждено было тащиться через весь город, чтобы разобрать кучу старых бесполезных документов, а затем передать уже пустую квартиру новым хозяевам.

Всю предыдущую неделю я пыталась сопротивляться натиску великовозрастного сына. Но моё поражение было запрограммировано ещё в ту пору, когда малыш пребывал в моём животе. Требовательный Тимоша всё никак не может уяснить, что пуповина, когда-то связывающая нас, давным-давно была перерезана уверенной рукой акушерки.

Со своим бывшим супругом рассталась тихо и мирно. Без лишних ссор и притязаний мы поделили всё, что накопилось за тридцать лет спокойного, но нудного существования. Разъехавшись, и сына не обделили, посчитав, что он вырос и ему необходимо отдельное проживание. Однокомнатная квартира в старом, но зелёном районе вполне его устроила. Теперь же, получив деньги за проданную квартиру, он при желании сможет значительно улучшить свои жилищные условия. Тем более, что голова у него всё же на плечах была, умом Бог не обидел, и заработки его были значительно выше моих. Живи и радуйся...

Тимофей не был женат. И совершенно не стремился, судя по его же словам, в ближайшем будущем «надеть на себя хомут». Так ему представлялась семейная жизнь.

И если бывший мой супруг крайне редко донимал меня плохим настроением или жалобами различного толка, то от своего детища не спрячешься, наверное, и на Луне! Во мне всё-таки теплилась надежда, что Тимоша повстречает на своём жизненном пути терпеливую, добрую женщину, для которой его несносный характер не будет препятствием к счастью.

Итак, ещё немного повозмущавшись (но уже при личной встрече) по поводу старческого состояния головы его же несравненной матушки, сыночек отбыл восвояси.

Я осталась в квартире, где прошла моя юность, наедине со знакомыми до

боли старыми стенами. Неосознанная печаль, неведомая тревога навалились на меня. В какой-то момент даже стало тяжело дышать. Я почувствовала, что воспоминания начинают окружать меня со всех сторон. Они словно ожидали моего уединения для того, чтобы навалиться и захватить меня в свой коварный плен.

Внезапно я почувствовала все признаки охватившей меня паники. То меня бросало в жар, то - в холодный озноб. Словно стены и те, кто на протяжении долгих лет жил в них, захотели, вместе или по одиночке, сжать меня в своих объятиях.

Я решила сбежать. Необходимо лишь было быстренько собрать в один тюк бумажки, тетрадки и всякую другую ерунду, что копится годами, а оказывается в мусорных баках в считанные минутки.

Я начала судорожно двигаться по квартире, проклиная всё и вся на этом свете. И особенно - свою трусость. Собранные и связанные в кипы старые тетрадки, никому не нужные учебники - всё то, что я старалась на протяжении нескольких часов подготовить к выброске - разлетелось в мгновение ока в разные стороны.

Мне стало чрезвычайно тоскливо в чужом жилище. И невыносимо жаль потерянного выходного дня. Ничего лучше не смогла я придумать, как усесться на пол и заплакать...

ГЛАВА ВТОРАЯ. СТАРАЯ АМБАРНАЯ КНИГА

Хоть и знаем мы с детства, что «работа не волк, в лес не убежит» или «работа дураков любит», но поговорки поговорками, а мне пришлось успокоиться и заняться всем сызнова. В тот момент даже показалась, что больше подошла бы поговорка – «работу с плеч, да и на печь». Но свою работу скинуть не на кого было, да и печь отсутствовала, как, впрочем, и мебель, домашняя утварь и ещё что-нибудь хоть мало-мальски ценное. Квартира была завалена пожелтевшими газетами, старыми учебниками, коробками всевозможных размеров. Стало быть - никому не нужным хламом.

И вот я, находясь среди этого бедлама, никак не могла сообразить, как бы попроворнее, с наименьшими затратами сил и нервов отделаться от старья. Ничего умного в мою несчастную голову не приходило. Лишь одно - улизнуть, да как можно быстрее. Захотелось немедленно покинуть чужую территорию. И пусть они сами, эти новые хозяева, выбрасывают всё то, что посчитают лишним и ненужным. Как же я лукавила сама с собой! Ну кому, спрашивается, пригодится чужой, годами накопленный хлам?!

Наверное, я бы, оставив всё так, как есть, сбежала. А там с меня и «взятки гладки». Не догонят и не заставят трудиться за так. Но вот глупый характер не позволил ретироваться. И я, скрепя зубами, заново стала складывать всю эту макулатуру в ровненькие стопочки. И опять потерпела фиаско. Но рыдать на родном плече не могла, так как таковое плечо отсутствовало. И я опять, в который уже раз, принялась упаковывать и перевязывать непослушные пачки...

Внезапно мой взгляд задержался на огромной выцветшей амбарной книге. Что-то вынудило меня взять её в руки, открыть – и действительность, с её проблемами и неурядицами, перестала для меня существовать. Эта амбарная книга была исписана мелким почерком моей матери. Нас с детских лет учили тому, что читать чужие дневники, письма - это словно подглядывать в замочную скважину. Но что же мне было делать?! Выбросить, не открывая, дневник моей покойной матери? А то, что эта амбарная книга была именно дневником, я поняла сразу же, как только раскрыла её, достаточно промучившись со своей совестью.

Скорее это даже был не дневник, а жизнеописание нескольких поколений одной и той же семьи. Моей семьи! В ней каждому отводилось своё место в хронологии событий. Моя мать не оценивала ни людей, ни обстоятельств их жизни. Она просто описывала и себя и других такими, какими они виделись именно ей.

Преодолев последние угрызения своей же совести, я открыла книгу на первой странице и отправилась в дальнейшее плаванье. Время остановилось. Все звуки вокруг меня замерли. Я потеряла чувство действительности. Другой мир, неизвестный мне мир, вдруг открылся передо мной!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. НАЕДИНЕ С ПРОШЛЫМ

ДНЕВНИК:

«...Постоянно спрашиваю себя, почему я, женщина преклонного возраста, мать, бабушка и даже вдова, словно школьница, решила завести дневник. И простой амбарной книге вверяю историю своей жизни. И не только лично своей, но и тех близких мне людей, которые давно покинули сей бранный мир. Ведь я не влюблённая в одноклассника девчонка, которая засушивает и хранит в таком дневнике цветочки, открыточки, ленточки и всякую другую дребедень, составляющую её девичью жизнь. Детство, юность, молодость и даже зрелость остались в далёком прошлом. А беспощадная старость давным-давно поселилась в моём теле, мыслях и сердце...

Задаю себе постоянно один и тот же вопрос и не могу на него ответить: - Зачем, для чего мне понадобилось на склоне лет ворошить прошлое? Или жизнь моя уже приближается к закату? И всё-таки хочется оставить после себя хоть какой-нибудь след на этой земле? Не проще ли рассказать всё о прошедшем дочери и внуку? Или я боюсь самой себе признаться в том, что кроме меня и этой амбарной книги, никому нет дела до событий давно минувших лет? В любом случае, я вовсе и не жажду того, чтобы кто-то прочитал мои откровения. Они важны, прежде всего, мне самой.

Я не ведаю даже и того, захочу ли уничтожить свой импровизированный дневник. Скорее всего, старая толстая тетрадь просто окажется выброшенной в своё время с множеством других, никому не нужных вещей, на свалку...

Но не стоит придумывать того, что познать не суждено. Такова жизнь. Уходит человек, покидает, в predetermined судьбой время, сей мир, и с ним исчезает всё то, что составляло его жизнь и наполняло её смыслом. Ведь каждый человек является частичкой Вселенной... А я исполню то, что предназначено мне судьбой. И если кому и суждено будет прочитать мои откровения, то пусть это будет добрый человек. А может, Бог и Судьба распорядятся этой старой тетрадью так, что она попадёт именно в руки моей дочери...

Мой отец (теперь обо всём можно говорить открыто) был кулацкого рода. А моя мать - из середняков. И такая прослойка существовала в деревнях. А вышла замуж она за богатого парня. Обе семьи были категорически против этого брака. Но мои будущие родители всё же добились своей цели и обвенчались. Любовь победила. Да не уберегла.

Моей матери выпала суровая судьба. Она вошла в семью, где было десять неженатых парубков. Все заботы об этой огромной семье легли на хрупкие девичьи плечи. Но она не жаловалась, а много и упорно работала. Постепенно молодых отделили. Появилось своё хозяйство. Родились мы с сестрой. Мне порой так и видится, как они, молодые и здоровые, в любви и довольстве, строят новый дом. А я и моя младшенькая сестрёнка путаемся у них под ногами. И они радостно смеются, глядя на нас. Ведь наши родители счастливы. Конечно, эту сценку сама же я и выдумала. По своему малолетству

никак не могла я запомнить и запечатлеть в своей памяти те счастливейшие мгновения из жизни моих молодых родителей, когда всё только - только для них ещё начиналось. Счастье и благополучие молодой семьи было недолговечным. Не успели они налюбоваться, как всех нас, всю семью, и больших и малых её членов – выслали в Сибирь. Раскулачили. А это означало, что отобрали всё наше имущество, а нас самих загрузили в товарные вагоны и отправили в неизвестность. Не ведаю, каким образом всё мы не погибли в пути. Наверное, Бог, взирая с небес на эти издевательства, помог выжить. Или мужицкая смекалка моего деда спасла наше многочисленное семейство от вымирания!

Так или иначе, но мы добрались до тех мест, где нам предписано было жить. Скорее – погибать...

Всех сосланных поселили в одном бараке. А таковых прибыло огромное количество. Людей, словно скот, согнали со всего Советского Союза. Это ветхое сооружение построили ссыльные, прибывшие задолго до нас.

В том бараке вместо кроватей стояли многоярусные нары. Сейчас трудно поверить в то, что вместе проживало несколько сотен человек. Но так было. Начались болезни, унесшие жизни многих. Семью нашу спасло лишь то, что в этом, продуваемом всеми ветрами здании имелся чердак. И смекалистый наш дед занял это помещение. Отвоевал его для своей семьи. Чем и спас всех.

Конечно, я и этого не помню. И знаю о тех временах только лишь со слов матери, но порой мне кажется, что и я рубила лес со всеми вместе. И после тяжёлой, изнурительной работы пела грустные украинские песни. Впрочем, песни звучали на разных языках...

Раскулаченных не охраняли. Считалось: из того дикого края, из той глухомани убежать невозможно. Вот этим и воспользовался хитрый мой дед. Вся семья тайно строила плоты. Промедление было смерти подобно, так как зима в те края приходит рано. Лёд сковал бы реки, и ссыльные оказались бы отрезанными от внешнего мира навсегда. Без еды, тёплой одежды вряд ли бы наша семья пережила ту первую зиму в тайге. И в какой-то из дней нам удалось бежать. Несколько недель плыли по бурной реке. В дневные часы прятались в непроходимых таёжных чащах, опасаясь, погони. Плыли по ночам. Порожистая река могла унести жизни всего семейства. До сих пор мне неизвестно, каким невероятным образом старшему поколению удалось, после дерзкого побега с каторги, затеряться среди людей. Возможно, что им кто-то за определённую мзду выправил документы. Как тогда говорили, бумаги. Скорее всего, так оно и было. Доподлинно известно, что в родные места наше семейство не вернулось. Пришёл такой день и настал такой час, когда и самые лучшие документы не смогли спасти и уберечь несчастных людей...

Мой добрый, нежный отец сгинул в кровавом 1937 году. Его предал двоюродный брат. Бесследно исчез хороший муж, любящий отец. Так моя несчастная мать, выйдя замуж за богатого парня, оказалась с двумя дочерьми в беспросветной нужде. Лишь благодаря крепкому здоровью она выстояла. Но я никогда не видела, чтобы мать смеялась, шутила или приветливо с кем-нибудь разговаривала. Её лицо окаменело раз и навсегда. Лишь однажды довелось моей матери побывать в своём необжитом доме. Конечно же, там

давным-давно поселились незнакомые люди. Домашняя утварь, дмотканые ковры, любимые резные сундучки и многое другое из того, что составляло быт ещё неокрепшей её семьи – всё это было растаскано чужими людьми. Она и виду не подала, что дом её. Стоило ли тосковать и плакать по дому и вещам, коли жизнь была загублена навеки!»

Мне захотелось остановиться, передохнуть, подумать обо всём, вновь узнанном. Вот я когда-то думала - гадала, почему бабка всегда такая непримиримо злющая. К ней нельзя было запросто прийти и пожаловаться на что-то или на кого-то, посетовать на свою жизнь. Она лишь осуждающе покачала бы головой. На этом и закончилось бы наше взаимопонимание. А уж о том, чтобы прижаться к бабке, приласкаться, дождаться от неё нежности – об этом и не думалось, и не мечталось вовсе. А выходит, что почти всё можно и объяснить, и понять.

Моей бабке так и не удалось разбогатеть. И ни разу за свою жизнь не чихнувшая, она умерла от тяжёлой неизлечимой болезни. Вот ведь как в жизни получается: никогда не угадаешь, что тебе преподнесёт судьба.

Переварив полученную информацию, я продолжила читать мамин дневник. Во многих местах его подпортило время, а может, и материнские слёзы размыли текст. Порой читать становилось очень трудно. И я даже пожалела, что нет у меня увеличительного стекла. Да и где в пустой квартире можно было бы обзавестись таким предметом. Мне и в голову не пришло, что дневник можно было бы унести к себе домой, а там, в тепле и уюте, за чашечкой любимого чая – дочитать до конца. Но мне почему-то казалось, что дневник и эта квартира чем-то нерушимо связаны. И потому я по-прежнему сидела на холодном полу, забывая о времени и тех неудобствах, в которых сейчас пребывала.

ДНЕВНИК

ДНЕВНИК:

«...Ох, мама, узнай я раньше о тебе всё то, что описываю сейчас в своём дневнике, возможно, тогда бы и наши отношения сложились по-иному. И были бы они более человечными, более тёплыми. Суровость моей матери по отношению ко мне была перенесена и на мою единственную дочь!»

Читать становилось всё интереснее. Быть может, именно теперь я и узнаю, почему бабка всегда была со мной холодна и даже резка. Любила и баловала она лишь моего двоюродного брата – сына своей младшей дочери Лялечки, рано ушедшей в мир иной.

* * *

ДНЕВНИК:

«... В 1937 году, в одну и ту же ночь, арестовали и моего отца, и тёткиного мужа. В нашем скромном жилище на наших же глазах незнакомые люди перевернули всё вверх дном. Что они искали? Что надеялись найти? Это навсегда останется для меня загадкой. Неведомо что искали, но вынесли из нашей маленькой тесной комнатухи почти всё. И не позабыли снять с материнского пальца тоненькое обручальное кольцо, которое имело цену лишь для неё.

Помнится мне, что с этим кольцом произошла заминка. Не хотело оно менять хозяев. Но настырные люди всё же унесли его собой. Теперь-то я понимаю, что вместе с кольцом мы могли бы тогда потерять и мать...

Итак, моя мать осталась с двумя дочерьми – со мной, двенадцатилетней, и с моей младшенькой сестрёнкой, одиннадцатилетней Олей. Мы все называли её ласковым именем – Ляля. Она и была похожа на красивую куклу, но в нищенской одежде.

А тётка, родная сестра моей матери, потеряв мужа-кормильца, осталась с единственной дочерью Катей. Сколько лет прошло, а я отчетливо помню те беспросветные чёрные дни. От нас троих в школе отвернулись все – и учителя, и ученики. До тех пор мы были просто обычными детьми, а стали детьми врагов народа. Звучало это невыносимо страшно. Нас с сестрой выручал возраст. В силу своего малолетства мы мало что понимали и потому страдали много меньше нашей двоюродной сестры Кати. Она уже была девушкой. И жизнь её превратилась в сплошной ад. В положенное судьбой время к ней пришла любовь. Но где-то в лагерях сгинул и её друг. Страшные и непонятные были времена. Да и не могли мы тогда знать, что происходит и с нами, и вокруг нас. Это была, конечно же, не жизнь, а простое выживание. И как-то всё же жили...

Маму стали все называть по отчеству - Прохоровной. А Прохоровна лишь разменяла свой четвёртый десяток в жизни. Она бралась за самую тяжёлую, за самую чёрную работу. Может, и для того, чтобы ни о чём не думать. Возможно, что таким образом можно было отгородиться от всего света. Да и деньги нужны были семье, потерявшей кормильца.

А мы всё-таки ожидали отца. Надеялись, что откроется однажды дверь, и в нашу полутёмную маленькую квартирку войдёт улыбающийся отец. Мы его очень любили. А он – нас. Наш папа был мягким, добродушным человеком не только по отношению к нам, но и к друзьям, к соседям. Может, именно доброжелательность и открытость и погубили его. Мы с сестрой тянулись к отцу. Он был нам более понятен, чем строгая мать. И хотя с Лялочкой мы были погодками, но внешне и характерами очень отличались. Сестрёнка более всего любила свободу. Её трудно было заставить сделать что-либо против воли. Она не ходила, а словно летала по воздуху. Светлые длинные волосы и голубые весёлые глаза притягивали всякого, кто видел эту девочку. Ляля заплетала волосы в две косы и укладывала их на голове в виде короны.

Мне и в голову не приходило ревновать её к родителям или злиться на неё за что-либо. Я тоже была по-своему привлекательна. Могу сказать это без всякого кокетства. Да и какой кому толк будет сейчас от моего вранья. Ведь всё то, что я записываю в эту старую книгу, вряд ли ещё кто-нибудь прочтёт. Скорее всего, я сама же и уничтожу свои записи, когда на то настанет время. А пока они стали мне жизненно необходимы. Если какое-то время по разным причинам мне не удастся пообщаться с этой старой выцветшей тетрадью, то я чувствую необъяснимую грусть. Словно воспоминания о давно минувшем поддерживают меня в дне сегодняшнем...»

А я по-прежнему сидела на полу. Но всё же догадалась прислониться к стене и подстелить под себя кое-что из своей же одежды. Сидеть и читать стало немного удобнее. Я заметила, что моя мама делала свои записи в разное время. И нигде не проставляла дат. По-видимому, так ей было удобнее всего. Иногда она писала чёрными чернилами. Иной раз - синими. А порой под рукой у неё оказывался обычный карандаш. И, как это ни странно звучит, именно сделанные простым карандашом записи сохранились лучше всего. Чернила во многих местах растеклись. И кое-где текст уже почти исчез. Лишь по смыслу можно было догадаться, о чём в данном месте шла речь. Но я не испытывала особых затруднений, почерк мамы мне был хорошо известен ещё с детства. И от него, как и ото всего, что каким-либо образом бывало связано с моей мамочкой, веяло нежностью, добротой и необходимой для жизни уверенностью в том, что всё и всегда будет хорошо! Мне захотелось встать, размяться, попить водички и посмотреть на часы, но вместо всего этого я вновь погрузилась в чтение. И опять знакомо-неизвестная жизнь близких мне людей представала передо мной так ясно, как если бы я сама была участницей всех событий, описываемых моей

* * *

ДНЕВНИК:

«...И никогда я не завидовала сестре. Каждой из нас выпала своя судьба, свой тернистый путь. О многом сейчас вспоминается с грустью, сожалением и огромной непреходящей болью. Мы не вольны были тогда что-либо изменить в своей жизни. Мне кажется, что обстоятельства вынудили нас с сестрой прожить жизнь не так, как хотелось бы. Но ко мне это относится в меньшей степени. А вот Лялечка, наша добрая, весёлая Лялечка прожила всего-то ничего на этом свете...

На лето, как старшую из дочерей, моя суровая мать отправляла меня к деревенским родственникам. Там за еду я нянчила их детей. А Ляля раз и навсегда отказалась даже на короткое время покидать город. Она обожала городскую жизнь. А сельская - вызывала в ней уныние, и даже тоску. А ведь наши предки всегда жили и работали на земле!

Когда в нашу жизнь ворвалась война, мне едва исполнилось шестнадцать лет. О чём мечтается в шестнадцать лет? О нарядах. И, безусловно, о любви! О той всепоглощающей любви, которая посещает любую девчонку в её сладких юношеских снах. И думается о ней и днём, и ночью. И я ничем не отличалась от своих сверстниц. Так же, как и они, мечтала, грезила, жила в предвкушении счастья.

У меня всегда неплохо получалось смастерить из любого, пусть даже старого кусочка ткани, себе обновку. Свою страсть к шитью я пронесла через всю жизнь. Сначала обшивала себя, сестру и мать. А тут война. И все мои надежды и чаяния, словно замки, выстроенные из мокрого песка, рухнули в одночасье...

Фашисты, едва заняв наш город, сразу же принялись отлавливать молодёжь для отправки в Германию. А там всех ожидала неизвестность, каторжный труд, а порой и смерть...

Мне не повезло. Я попала в первую же облаву, устроенную на городском рынке новыми хозяевами. И соседская девочка оказалась там же. А Лялю мама почти всю войну прятала в погребе. Тем и уберегла мою сестру. Да и никто из соседей на них не донёс.

Я уже и имени соседской девочки не помню. И даже не знаю, суждено ли было ей вернуться домой. Меня Бог сберёг. Хотя страданий на мой век выпало предостаточно.

Мы, как две испуганные птички, жались друг к другу. Старались быть вместе и в поезде, и по прибытии в Германию. Родной дом остался позади. А впереди – неизвестность и страх!

Даже сейчас описывать то наше путешествие необычайно тягостно. Слёзы, стоны, отчаянные крики – вот то, что сопровождало нас весь путь. В конце- концов эшелон, битком набитый бесплатной рабочей силой, остановился. Все вышли, а моя подружка замешкалась. Она что-то потеряла в вагоне и потому задержалась. А когда мы всё же вышли из вагона, то вновь прибывших рабов уже построили в колонны и отправили на близлежащую

фабрику. Как позже стало известно, на этой фабрике были созданы все условия для уничтожения здоровья, человеческого достоинства, молодости и красоты. Сколько бы сейчас ни писалось о добрых немцах и гнусных поступках иных воинов Советской Армии, что тоже имело место, так как войны – это кровь, смерть, страдания и разбитые человеческие судьбы, но у меня перед глазами сразу же возникает колонна детских фигурок, бредущая в никуда! То ли Бог мною руководил, или провидение послало мне неторопливую подружку, но я избежала участи тех несчастных. Меня определили на работу в обычную фермерскую семью. А с подружкой я больше никогда так и не встретилась. Где-то затерялся её след...»

О том, что моя мать была в плену, я узнала в тот период, когда после окончания института, вместо распределения на кафедру, попала на военный завод. Мне пришлось заполнять кучу всяких анкет. И мама была вынуждена рассказать о себе то, о чём даже тогда предпочитали молчать. Человека выгнали из своего дома, вывезли в вагонах для скота в другую страну, принуждали к каторжным работам, а он выжил, претерпев все невзгоды, подаренные коварной судьбой. И уже в родном краю должен был скрывать столь позорный для любимой родины эпизод из своего трагического прошлого. Парадокс!

* * *

ДНЕВНИК:

«...Семья моих немецких работодателей состояла из трёх человек – мужа, жены и их дочери Марты. Мне почему-то запомнилось лишь имя дочери. Отец этого небольшого семейства воевал на восточном фронте. В самом начале войны получил ранение и потому слегка волочил правую ногу. Помнится мне, что мужчина был невысокого роста. Молчалив, и даже суров. Его жена, женищина невероятно худая, возвышалась над ним, словно каланча. И её тоже невозможно было бы назвать чрезмерно разговорчивой. Проворная и глазастая, она успевала повсюду. От её бдительного ока невозможно было нигде укрыться. Хозяйка и сама работала день-деньской, не покладая рук, и неустанно следила за всеми работниками своей большой фермы. Эта семья владела огромными земельными участками, находившимися на значительном расстоянии друг от друга.

Улучив минутку, работники тихонько рассказывали друг другу о том, что всё на этой ферме принадлежало хозяйке. И что именно богатство помогло ей создать семью. Кто может достоверно знать, что в людской молве правда, а что – вымысел! И эти пересуды, и чужие люди, меня окружавшие, и язык, который со временем стал мне понятен и доступен, и их обычаи, образ жизни – всё, абсолютно всё было чужим и ненужным. С любовью и нежностью вспоминались родные места и близкие моему сердцу люди. В постоянных думах и воспоминаниях и находило моё израненное сердечко поддержку и силы для того, чтобы выстоять в тот невероятно трудный период жизни...

В основном хозяйство выращивало овощи. Конечно же, мой хозяин жалел жену и дочь. Мне же приходилось таскать неподъёмные тяжести. Работала я от зари и до заката. Но с самого первого дня меня усадили за общий с хозяевами стол. Если бы я ещё и голодала, то вряд ли бы дожидка до этих дней. Работник должен был хорошо работать, а на голодный желудок много не выработаешь. А может, мне в очередной раз повезло: я не попала к жадному бюргеру.

Дочка моего хозяина была старше меня лет на десять. И выглядела она вполне созревшим человеком. Рослая пышнотелая Марта жаждала любви. В какой-то степени и этой молодой немке война поломала жизнь. Влюбиться ей было не в кого. Все её сверстники либо воевали, либо земные радости им уже не были нужны и вовсе...

Время шло. Приходилось приноравливаться к новому образу жизни. Молодость, как известно, способна на многое – мы подружились с Мартой. Она учила меня немецкому языку. И даже брала с собой к парикмахеру. Со временем ко мне привыкли в этом маленьком местечке под Гамбургом. И даже удивлялись, что я русская. Неожиданно Марта завела роман с одним пареньком, нашим военнопленным. Вот тут-то и пригодился мой русский язык. Она передавала записочки, а я переводила их с немецкого на русский. Война, войной, а жизнь продолжалась...

Как ни пытаюсь, но не могу вспомнить, чем же закончился их бурный роман. Помнится, что я частенько стояла где-нибудь неподалёку от места их свидания и следила за тем, чтобы они не были обнаружены родителями девушки. Боялась я жутко. Знала, что мне за пособничество придётся расплатиться очень дорого, а может быть, и жизнью...

Приходу союзников обрадовалась несказанно. И домой летела, словно на крыльях. Радость переполняла меня. Все люди, находившиеся рядом, казались близкими и родными. Забавно вспоминать ту наивную девчонку, которой я осталась, даже пережив долгие годы неволи. В пути меня обворовали. Весь путь домой я провела в разговорах с молоденьким парнишкой. Уснула. А проснувшись заметила, что ни мальчонки, ни моих скудных пожитков нет. Сначала наплакалась. Затем настроение изменилось. Стало смешно, когда представила себе лицо неудачного воришки! Почти весь мой багаж составляли старые грязные вещи. Большие за границей я никогда не была.

Родной город встретил меня руинами. Фашисты разграбили и разрушили в нём всё самое ценное. А народу-то сколько было истреблено! Смотреть на искорёженный город было невероятно горько. Мама и Ляля верили в моё возвращение. В период оккупации им пришлось несладко. Голодали, прятались от облав. Но выстояли, вынесли все тяготы военного времени. Конечно же, мы все сильно изменились. И больше всего досталось матери. Казалось даже, что стала она меньше ростом. Глаза и вовсе потускнели. Как будто даже та малая толика радости, что жила в ней, покинула это тело навсегда.

Мы же с Лялечкой были молоды. Невзгоды постепенно отступали. И мы, и наш город, и вся страна возрождались, поднимались из руин. Бывало и голодно, и холодно. Но мы терпели. Думали тогда, что так живут все.

Ляля даже получила медаль за восстановление разрушенного войной города. Она с огромным рвением принялась за прерванную войной учёбу. Моя сестрёнка слыла способнейшей ученицей. А я всегда испытывала тягу к швейному делу. Мне нравилась шить, кроить, переделывать помногу раз одно и то же изделие. И так пока не добивалась того результата, к которому стремилась. В какой-то момент любимое с детских лет занятие стало делом всей моей жизни...»

Моя мама шила превосходно. Со временем она стала ещё и отличным дизайнером. Но никогда не стремилась к тому, чтобы создать свою коллекцию. Мамин талант проявился в моей одежде. Там, где она работала, от неё не требовались такие качества, как самостоятельность и индивидуальность. Делай как все, не хуже и не лучше. С течением времени мамино здоровье пошатнулось. Резко упало зрение. И шитьё осталось в прошлом. Для мамы потеря любимой работы стало величайшей утратой.

* * *

ДНЕВНИК:

«Я поступила швей в пошивочную артель. Постепенно всё становилось на свои места. Пришла и ко мне любовь. Затем родилась любимая дочь. Но об этом немного позже.

А сейчас почему-то тянет написать о своей сестре. А мне хочется описать невесёлую историю жизни очень весёлого человека...»

Вот я подошла к тому, о чём не знала ничего. Всегда любила своего кузена – Лялиного сына. Но от самой тётки ничего не осталось. Даже маленькой фотографии. А может, и осталось что-нибудь после неё, да мне не показывали. Ладно, буду читать дальше...

* * *

ДНЕВНИК:

«О своём замужестве напишу чуть попозже. А теперь подробнее о Ляле. Будущий муж называл её Ольгой. А Лялей она оставалась лишь для нас. Как-то наша мать отправилась на рынок. И встретила там со своей давней подругой. Не виделись они много лет. Подруга поведала, что с ней живёт единственный сын – Веня. Пока женщины делали покупки, им на ум пришло познакомить своих детей – Лялю и Веню. Сказано - сделано. И они не ошиблись: роман завязался бурный.

Ляля – светловолосая и голубоглазая. И Веня – цыганистого типа. Веня закончил техникум. Имел пристрастие к музыке. Умел играть на всех струнных и духовых инструментах. Казалось, что эти двое нашли друг друга!

Придётся прерваться. Сердце отчаянно стучит. Даже дышать стало трудно. Кто знает, суждено ли дописать...»

Как видно из тетради, мама всё же продолжила своё повествование. Но, как мне кажется, через большой промежуток времени. Странно, что я никогда не видела свою мать с этой амбарной книгой в руках. А ведь долгие годы мы жили вместе. Наверное, она стыдилась своего занятия. И совершенно напрасно. Но я уже не смогу ей этого сказать. Никогда... Сколь же в этом слове безысходности!..

Мне тоже нужна была передышка. Я встала, размялась. И вдруг ощутила пустоту вокруг себя. Как будто на этой планете я была совершенно одна. И мне захотелось сбежать. Прошое, своё или чужое, наверное, должно оставаться в прошлом. Я уже жалела, что так неосторожно согласилась помочь своему великовозрастному ребёнку. Он и сам бы справился. Безусловно, по-своему. Всё выбросил бы. Наверное, так бы было лучше для всех. Но сейчас-то выбора у меня уже не было. Открыв эти записки, закрыть их просто так я уже не могла. Совесть, эта никому неизвестная субстанция, мучила бы меня до самой смерти.

* * *

ДНЕВНИК:

«Несколько месяцев не брала в руки тетрадь. Хотя по размеру она больше напоминает книгу. Сегодня открыла её случайно. И решила продолжить начатое. Может потому, что за окошком весело чирикают воробьи. И радостно оттого, что холодная длинная зима всё же закончилась. Пришла весна. И на душе сегодня веселее.

Описывая свою жизнь, я намеренно не ставлю дат. Ведь для себя же пишу. И мне без разницы, какой сегодня день, месяц или год, как и несущественно и то, зима ли сейчас или лето...

Влюбившись, сестра моя Ляля быстренько выскочила замуж. Она всегда была свобододобивым человеком. Нежная и ласковая со всеми, моя сестрёнка становилась неуправляемой, если её принуждали к чему-нибудь, что шло вразрез с её желаниями. Практически невозможно было заставить её сделать что-либо против воли. Так получилось и со сватовством, и со скоропалительной свадьбой. Ей все советовали погодить, присмотреться к избраннику. Но любовь, словно вихрь, закрутила и понесла нашу Лялю в неведомые дали. Когда мы молоды, мы слышим лишь биение собственного сердца. Что нам чужие наставления и советы?! Да и то верно, что каждый из нас совершает свои ошибки. И нельзя, просто невозможно учиться на чужих...

Свадьбу гуляли несколько дней. Жених был слегка угрюм. И много курил. А невеста блистала молодостью и красотой. В простеньком новеньком платьице, с косами, выложенными на голове в виде короны, она и на самом деле выглядела королевой. Ляля всем была чрезвычайно довольна. И гостями, и подарками. А её счастливый звонкий смех до сих пор звучит в моих ушах. Моя

сестрёнка была весела уже оттого, что любимый человек рядом. И как жаль, что не сложилось. Не получилось того, о чём мечталось.

Жених на свадьбе не выпил ни единой стопки. Ни единого глоточка спиртного. Хотя въедливые гости и принуждали его к этому постоянно. Держался. А пропивать всё он начал почти сразу же после свадьбы. Банальная история. Пока не пил и сдерживался, курил не переставая. Очень скоро Ляля поняла две вещи – и то, что сильно ошиблась при выборе мужа, и то, что ждёт ребёнка. Где-то в глубине своей чистой души она надеялась на то, что с рождением ребёнка муж образумится, бросит пить. И их жизнь наладится. В противном случае, объявила она нашей матери, ей придётся уйти от мужа – алкоголика. Но судьба распорядилась иначе.

Ляля родила крепенького здоровенького малыша быстро и без особых проблем. Но из-за халатности врачей, оставивших роженицу в родильном зале без должного внимания, Ляля сильно простудилась. Подхватила двустороннюю пневмонию, перешедшую в отёк лёгких. И, промучившись несколько дней, умерла. Рожала она в канун ноябрьских праздников. И весь медперсонал родильного отделения начал отмечать этот праздник заранее.

Веня собирался подавать в суд, да так и не собрался. Запил. Запой продолжался много месяцев.

Моя сестра была необыкновенным человеком. И могла бы много добиться в жизни. Но...»

Я знала, что моя тётя умерла, когда мне было всего-то лет шесть, семь. Но я не знала подробностей. Оказалось всё так прозаично...

На какое-то мгновение мне показалось, что в пустой квартире я не одна. Как будто уловила чьё-то лёгкое дыхание. А может, это всего лишь слабый ветерок коснулся моей щеки.

* * *

ДНЕВНИК:

Новорождённого назвали в честь репрессированного деда. Так пожелала Ляля перед своей кончиной. А своенравный муж впервые не смог, не посмел послушаться.

Заниматься сыном Веня не мог. На все просьбы забрать ребёнка хоть на время, он отвечал категорическим отказом. В конце концов отправил его в деревню к своим родителям. Это были славные люди. Но уже довольно пожилые. Моя мать навещала любимого внука, когда могла. Венины родные не возражали.

Вспоминая умершую дочь, мама страдала молча. Ни с кем своим горем не делилась. Лишь тянулась к малютке - внуку, будто бы он способен был заменить ей её родное детище.

А Веня, быстро по привыкнув к своему вдовству, то там, то тут заводил любовные интрижки. Не мог жить в одиночестве. И каждое его похождение

заканчивалось рождением очередного сына. Нигде подолгу не задерживался. И пил, пил, словно хотел утопить все свои горести и печали в спиртном.

Чаще всего оставленные им женщины старались, чем могли поддерживать его и после очередного разрыва. Мне неизвестно, за что Веню так самозабвенно любили даже покинутые им любовницы. Что-то в нём всё же имелось, наверное, и хорошее, если смог он в других пробудить столь сильные чувства.

Как-то Вениамин познакомился с очередной женщиной. Женился. Забрал во вновь созданную семью и моего племянника, почему-то запретив ему видеться с прежней роднёй и упоминать о покойной матери. И в этой семье опять-таки родился сын. Венина жена, Нона, работала стоматологом. Она была женщиной интеллигентной. И Венины пьяные выходки терпела до поры до времени. Когда же её терпению пришёл конец, то она выгнала мужа вместе с его сынишкой.

Лялин сын считал её своей матерью. И нас он совершенно не знал. Все годы, которые мальчик прожил с Ноной, моя суровая мать тайно подглядывала за своим же внуком, но ни разу не окликнула его. Считала, что так, наверное, будет лучше для ребёнка.

После своего разрыва с Ноной Веня силком приволок мальчишку к незнакомой бабке. И больше не появился там ни разу. Пришлось десятилетнему ребёнку рассказать всю правду о его умершей маме.

Но он не поверил ни единому слову, посчитав, что плохой папа увёл его от хорошей матери к чужой бабке. Мальчишка отказался от еды. Перестал спать. Забивался в уголок и ни с кем не разговаривал. Я была вызвана матерью в помощь. Но и меня он не признал. Даже теперь, спустя годы, мне становится не по себе, когда вспоминаю события давно минувших лет. Мой племянник напоминал маленького затравленного охотниками зверька. Много раз ребёнок убегал к хорошей матери, а та даже не пускала его на порог своего дома.

Мальчишка серьёзно заболел. Пришлось положить в больницу. Мы навещали его каждый день, а Нона появилась лишь раз. До сих пор не понимаю, как эта женщина могла так жестоко поступать с несмышленным ребёнком. Вряд ли он мог и должен был отвечать за грехи отца своего...

Из больницы в бабкину квартиру возвратился совершенно другой человек. Это уже был наш ребёнок. Всё встало на свои места.

А в жизни любвеобильного Вени было ещё много женщин и алкоголя. Со своими детьми он не общался, но исправно платил всем алименты. Веня остепенился, когда одолели его многочисленные болезни. Долгое время прожил он с одной и той же женщиной. И даже стал общаться с сыновьями.

Когда закончился Венин земной путь, то на его похоронах присутствовало много народа. И я была там. Оказалось, что шального нашего Веню уважали и любили на заводе, где проработал он долгие годы. А сколько женщин рыдало по нём - не счесть!

А Лялин сын, мой племянник, уже после смерти отца, обнаружил в одном из отцовских костюмов маленькую поистёртую фотографию своей мамы...»

Интересно, почему же я никогда не видела этой фотографии? Хотя что

может быть в этом занимательного. Довольно грустная история. Со своим двоюродным братом я всегда была дружна. И даже наши сыновья очень схожи. Им всегда кто-нибудь и что-нибудь должен.

Мой двоюродный братишка, как и когда-то его отец, был у женщин в большом почёте. И он на своём веку погулял вдоволь. Но, женившись, остепенился. В этом счастливом браке родился единственный ребёнок – сын, в котором мой брат души не чаёт. Так же он относится и к своей жене. Порой мне казалось, что и сын, и жена принимают его любовь как должное. А сами таких же чувств к нему не испытывают. Но в чужие отношения лучше всего не вмешиваться. Тем более, что в моих советах никто особо и не нуждался.

Я решила прерваться. Ведь чтение можно было продолжить попозже. Всё то, что написано в этой толстенной тетради, там и останется. А вот мне, если я не вынесу и не выброшу мусор из чужой уже квартиры, придётся и заночевать в ней. Такая перспектива меня вовсе не устраивала. Помощи ждать было не откуда. И плечо для слёз никто не подставит. Не пытаюсь опять сложить всё в аккуратные стопы, а с этим я уже потерпела полное фиаско, мне пришлось носиться по лестницам туда- сюда, чтобы поскорее отделаться от мусора. И даже понравилось бегать. Ведь несколько часов я просидела на полу в очень неудобной позе. И что самое важное, работа стала приносить свои плоды. Квартира заметно очищалась после каждой моей ходки. Даже наступил такой момент, когда в пустой квартире я осталась один на один с маминой тетрадью.

* * *

ДНЕВНИК:

« Какое-то время не писалось. Уговаривала себя взять ручку и дописать начатое. Конечно, развод дочери и довольно сложный характер единственного внука мало способствуют тому настроению, которое необходимо для возвращения в давно минувшее.

День сегодняшний и его проблемы не позволяют мне полностью сосредоточиться на прожитом. За бравадой дочери я усматриваю глубоко ранимого человека. И причина вовсе не в разводе двух совершенно разных людей. А в том, что она, моя единственная дочь, не сумела встретить того единственного на всём белом свете человека, с которым может разлучить лишь коварная смерть. Не повезло...

А с внуком и вовсе ничего не ясно. Не могу понять, что же составляет основу этого человека. Что для него важно. К чему стремится. Возможно, я стара и потому не понимаю его...

Пока он не знает, что вот эту небольшую квартиру я оставляю ему в наследство. Может быть, он захочет здесь обосноваться. Наконец-то обзаведётся семьёй. Появятся детки. Зазвучит их смех. Надеюсь, что так и будет...»

То, что мама не писала длительное время, я поняла сразу, увидав текст. Следующий отрывок был написан другими чернилами. А вот таких слов обо мне я не ожидала увидеть в этой тетради. Знала ведь, что моя мать – натура тонкая. Хорошо то, что не могла она увидеть с какой быстротой и с каким рвением единственный внучок расправился с её же подарком!

* * *

ДНЕВНИК:

«Сажу за столом в своей маленькой кухоньке. Пью свежесваренный цейлонский чай, смотрю на свои любимые горшочки с цветами и вспоминаю, вспоминаю...»

И как же это я позабыла, что в этой малюсенькой квартирке, где прошли мои студенческие годы, существует в кухне огромный подоконник. Его соорудил отец для маминых цветов.

Вспомни я раньше и о кухне, и подоконнике – не пришлось бы сидеть на жёстком холодном полу. Можно было бы преспокойно уместиться и на подоконнике. В конце-то концов, ещё не всё потеряно. И, прихватив с собой тетрадь, я незамедлительно переместилась в кухню. На плите по-прежнему стоял старый мамин чайник. О нём позабыли и потому ещё не выбросили. Отчего-то мне стало невероятно тепло и уютно. Старый никому ненужный чайник только лишь одним своим видом отогрел озябшее моё существо. На какое-то мгновение мне почудилось, что бесценные мои родители находятся рядом. И я непроизвольно зажмурилась от удовольствия. Успокоение и благодать низошли на меня. Моя мама обожала фиалки. Возможно, они напоминали ей о чём-то о таком, что было известно лишь ей. Ушла мама. И цветы, столь её любимые, незаметно завяли.

* * *

ДНЕВНИК:

«Я всегда обожала и по сей день люблю сидеть за этим маленьким столиком и глядеть на мир через кухонное окошко. И совершенно для меня не важно, какая погода за окном, вечер наступил или раннее утро. Всегда можно увидеть что-то интересное и занимательное. Деревцо, кустик или какое другое растение вот только красовались своей яркой листвой, а теперь стоят совершенно голыми в ожидании суровой зимы. Или замёрзший воробышек прыгает рядом с моим окошком. Протяни я руку, то смогла бы и схватить это маленькое божье созданыще и отогреть его своим теплом. Но лишь смотрю на него. Боюсь испугнуть!»

И в те, далёкие теперь времена, когда обязанности жены и матери забирали у меня много времени и сил, когда день-деньской приходилось трудиться и дома, и на работе - даже тогда я старалась при любой возможности усесться около любимого окошка. Налить в старую фарфоровую чашечку свежесваренного чая. Окинуть взглядом любимые фиалки. А потом думать, мечтать, уноситься в своих мыслях в такие дали, куда не смогли бы за мной поспеть обыденность, неудачи, разочарования...»

Частенько я грешила тем, что подтрунивала над мамой. Иногда невозможно было привлечь её внимание, настолько глубоко погружалась мама в свои мысли. Она так пристально и с таким упорством глядела в кухонное окошко, что порой создавалось впечатление, что мама видит там то, что нам не дано увидеть. Вероятно, так оно и было на самом деле!

* * *

ДНЕВНИК:

«Я чувствую, что пришло время перевернуть страничку и в этой тетрадке, и в своей памяти. Никогда не забывала я о сестрёнке своей. Да и не забуду, пока сама жива. Но настало время вспомнить и свои прожитые годы. И того, кто долгие годы был мне мужем, другом и отличным отцом для нашей дочки.

Мой будущий муж Мотя (Матвей) в свои неполные пять лет остался сиротой. Жила семья в селе. Перебивались, как могли и чем могли. Сначала сгинула мать. Поехала в город проведать сестру, да так и не вернулась. Исчезла. Поговаривали люди, что напали на поезд бандиты. Остался Мотин отец с тремя малолетними детьми. Но вскоре быстротечная чахотка, так в народе всегда называли туберкулёз, унесла и его. Старшую сестру моего мужа, двенадцатилетнюю Маню, взяли в няньки. Трёхлетнюю Любу забрала в город та родственница, к которой так и не добралась их мать. А Мотю в его неполные пять лет определили в пастухи. Вместо ласки, материнской нежности – голодное босоное детство. Мотя редко рассказывал о нём. Старшая сестра где-то затерялась в «чужих людях». И он никогда больше с ней не встретился. Думается мне, что эта несчастная женщина много горя претерпела за свою непростую жизнь. Да кто знает наверняка! Возможно, где-то и сгинула ещё в молодые годы, так и не познав на этом свете простого человеческого счастья...

С ещё большей неохотой говорил он о своей родной тётке. Очень плохо она с ним поступала. Можно сказать, что она Матвея тихо ненавидела. Только и слышал он от неё: « Мотька да Мотька...»

Ей его навязали против воли. И это, конечно же, не прибавило любви. Эта тётка, звалась она Адой, ещё девочкой переехала из села в город. Большие города манили и притягивали взоры многих сельчан светящимися витринами магазинов, нарядными людьми, освещёнными улицами, танцплощадками. Хотелось стать одним из тех, кто мог свободно пользоваться всеми благами

цивилизации. Достать документы и сбежать от беспросветной нужды, вот та цель, к которой стремилась сельская молодёжь. Иным везло, и они уезжали учиться. Другие – становились рабочей силой на фабриках и заводах. И все мечтали выбраться из нужды, выбиться в люди. Ада, неграмотная сельская девчонка, перебравшись в город, навсегда распрощалась с родными местами. И стыдилась Ада своего происхождения невероятно. Старалась никому не рассказывать о своих сельских корнях. И нянькой работала она у зажиточных людей, и мороженое продавала на привокзальной площади, и трамвайным кондуктором проработала долгие годы. Во всём Ада старалась подражать городским женщинам. Особенно своей квартирной хозяйке. Та когда-то окончила гимназию с отличием. Правильно говорила, играла в самодеятельном театре. Эта женщина и стала для Мотиной тётки эталоном в поведении, манере говорить. Ада даже записалась в тот же любительский театр, чтобы и в этом походить на неё. Если кто-нибудь обращался к Аде, то она откликалась лишь на «мадам». Никто из соседей ни разу не увидел Аду растрёпанной, неаккуратно одетой. И никогда она не выходила на улицу, не подкрасив яркой помадой губы. Когда погибла сестра, она взяла на воспитание Любу. Девочку эту обожала сверх меры. Даже считала её своей родной дочерью. А Любиных детей – родными внуками. Замуж Ада выходила много раз. Но своими детьми так и не обзавелась.

В четырнадцать лет Мотя серьёзно заболел ревматизмом, и у него отказали ноги. И третий тёткин муж насильно перевёз мальчика в город. Если бы не настойчивость этого человека, то моего будущего мужа и вовсе не было бы на этом свете. Ада была недовольна, но не решилась перечить мужу. Хотя кормить мальчишку и ухаживать за ним она наотрез отказалась...»

Я прекрасно знала папину тётю. Звала её бабушкой Адой. Думала, что это её настоящее имя. Мы ведь прожили с ней долгие годы в малюсенькой квартирке. Отцовская тётка никогда не относилась ко мне, как к внучке. Наверное, она полагала, что семья ненавистного племянника ей так же не нужна, как и он сам.

Уже будучи студенткой, а в ту пору Ада жила в отдельной квартире, я как-то навестила её. Она была уже стара, но выглядела куда моложе своих лет. И тут её словно подменили. Она любезно со мной разговаривала. Даже разоткровенничалась. Перечисляла всех мужчин, что были в её жизни. И о своих официальных мужьях тоже упоминала. Она считала, что не стоило менять мужей. Все, мол, мужчины одинаковы. А в жизни нужен лишь тот, кто будет любить и почитать тебя одну всю жизнь. А его внешность, как и материальное положение, совершенно не имеют значения. Тётка лукавила. На самом-то деле ей очень важен был материальный достаток. В то посещение она не преминула лягнуть и моего отца. Простой токарь не был ей интересен. Но для меня отец всегда был близким человеком. Порой я его понимала куда лучше, чем мать. Наши с ним вкусы часто совпадали. Он научил меня играть в шахматы. Решать сложнейшие шахматные задачи. Выискивать самые заковыристые кроссворды. Мне было известно, что ему не довелось учиться в школе. Во всём был самоучкой. И что он очень переживал из-за своей необразованности. И потому много читал. Часто посещал библиотеки. Любил тишину и прохладу

читательских залов. Отец долгие годы проработал на одном и том же заводе. Там же с ним приключилась беда: каким-то образом сорвался тяжеленный крюк с крана и ударил моего отца по голове. Потом последовали многочисленные операции. Чтение пришлось прекратить. И для моего отца, ставшего по чужой вине инвалидом, остались лишь газеты и шахматы...

* * *

ДНЕВНИК:

«Как странно устроена жизнь. То одно в ней происходит, то другое. И всегда не знаешь, что преподнесёт тебе судьба в очередной раз. Вот и я отложила бумагомарание всего-то на несколько дней, а прошло уже три месяца. Но это ничегошеньки не меняет. Ведь своё прошлое не изменишь. И оно никуда не убежит от тебя...»

Больной мальчишка все время проводил во дворе. Жалостливые соседи кормили его. И даже пригласили к нему профессора, который по воле случая жил рядом, в соседнем переулке. Профессорское лечение, людская доброта и жалость поставили Мотю на ноги. Он окреп и устроился работать токарем на близлежащий завод. Посещал одновременно и рабфак. По-прежнему жил с тёткой и сестрой Любой.

Люба закончила техникум. Получила распределение на Урал. А оттуда вернулась замужней женщиной. Родила сына - первенца. Но не долгов был его жизненный путь. Умер в трёхлетнем возрасте от какой-то неизвестной болезни. Все эти подробности я узнала от своего, ныне покойного мужа.

В те редкие моменты, когда разговор по какой-либо причине касался его родственников, Матвей старался поскорее закончить его. А если всё же что-нибудь и рассказывал, то всегда с дрожью в голосе.

Если быть объективной, то, конечно же, в какой-то мере и тётку можно понять. Невозможно любить по принуждению. Я понимаю и то, что она стыдилась своего деревенского прошлого не по своей воле. Такие были времена. Вырвавшись в город, Ада почувствовала свободу, которой лишена была с самого первого своего вдоха. Думается мне, что, став городской жительницей, убежав от постоянной нужды, адского сельского труда, она впервые почувствовала себя свободной!

Я пишу этот дневник не для того, чтобы обвинять или оправдывать кого-либо. На это существует Божий суд! Время расставляет всё по своим местам...»

А я устала. Да и голод во мне проснулся. Мне необходимо было передохнуть, поразмяться немного. Сидение на подоконнике лишь в первый момент казалось комфортабельным. Ноги и руки затекли. А я опять, в который уже раз за этот день, почувствовала одиночество, тоску и какую-то безысходность. И мне опять захотелось сбежать, куда глаза мои глядят, то есть, в своё уютное гнёздышко. Немедленно ретироваться и захватить с собой эту

старую амбарную книгу. Дочитаю по дороге, решила я. Но какие-то непонятные силы опять-таки остановили меня. И я вновь принялась за чтение. Ну! И как тут не поверить в потусторонние силы?! Ведь я дважды, а может быть и трижды, порывалась уйти, сбежать, удалиться. Однажды даже повернула ключ в замке, но замерла на пороге, так и не переступив его...

* * *

ДНЕВНИК:

«Война ворвалась в жизнь этой семьи так же неожиданно, как и в мою. Мотя трудился на заводе, где в то время муж его младшей сестры работал каким-то мелким начальником. Завод подлежал эвакуации. У Матвея была броня, и потому он не был призван в армию. Любе разрешилось уехать из города вместе с заводчанами.

Люба и Мотя, сидя на собранных вещах, ожидали прибытия заводской машины. Её должен был прислать Любин муж, чтобы жена и её брат успели к отбытию последнего эшелона. Но ни машины, ни Любиного мужа они так и не дождались. Он отправился в эвакуацию один. Собственное благополучие и спасение самого себя перевесили всё. И брат с сестрой очутились в занятом фашистами городе...

Мотю немцы сразу же угнали в Германию. Он так же, как и я, попал в первую же облаву, устроенную захватчиками. Сначала был каторжный труд на одном из немецких заводов. Затем – шахты. Сколько раз он мысленно ругал себя за то, что не отказался от брони. И не ушёл на фронт. Но изменить что-либо уже не мог. Оставалось лишь бороться с невзгодами, несправедливостью жизни, незаслуженными ударами судьбы, чтобы победить всё то, что выпало на его долю - и выжить.

Вряд ли в полной мере поймёт тот, кто не был в плену или на каторжных работах, каково пришлось тем, кто всё это испытал на себе. А пережив всё и возвратившись домой, должны были еще умалчивать, всячески скрывать столь позорный в глазах родины эпизод из своей исковерканной жизни...

В ту пору Люба была молодой, красивой женщиной. Попадись она на глаза немцам, сразу же была бы вывезена в Германию. А может, случилось бы с ней и ещё что похуже. Любе удалось долгие годы прятаться у добрых людей. Хорошо, что таковые встретились на её пути. Ей удалось переждать лихие времена в своём родном городе. И в Германию она не была угнана. А Матвея освободили союзнические войска. И он тоже рвался домой, хотя мог бы остаться в той же Германии. Или переехать в любую другую страну. Не нужна была ему чужая земля.

Мотя много бедствовал, болел, голодал, но родная сторона манила его и радовала куда больше, чем чужой рай. Мы редко поднимали эту тему между собой. Я видела, как вздрагивал он каждый раз, когда кто-нибудь невзначай упрекал его в том, что он не сражался на фронте. Муж надолго замыкался в себе. И вернуть его к нормальной жизни бывало крайне сложно...»

Меня словно окатили крутым кипятком. Стало невыносимо жарко. Душно. Я попыталась открыть фрамугу в кухонном окне, но мне это не удалось. Казалось, что ещё немножко и вовсе не продохну. Отбросив в сторону эту несносную амбарную книгу, я выскочила на лестничную клетку. И стала судорожно дышать, пытаюсь вобрать в себя как можно больше воздуха. Стыд, боль и отчаяние заполнили всё моё существо. Ведь это именно я попрекала когда-то своего отца в том, что он не сражался с фашистами на фронте. А он лишь смотрел на меня с укором. А ведь я ничегошеньки не знала об отце, ничегошеньки....

Порой мне бывало стыдно и за его отношение к еде. Казалось, что он жадничает, когда оставляет на утро недоеденный вечером хлеб. И свой завтрак отец всегда начинал именно с этого кусочка. Так поступал он на протяжении всей своей жизни, хотя знал, что в нашем доме всегда имелось много всякой еды. Мне действовала на нервы и его манера очень тонко очищать картофель. И в этом я видела лишь скардность...

Отец во многом помогал по хозяйству моей матери. Домашняя работа не тяготила его. И всегда он старался сделать что-нибудь приятное жене. Да и обо мне отец никогда не забывал. Часто сам готовил нам еду. И получалось у него всё очень вкусно и разнообразно.

Внезапно нахлынувшие воспоминания о давно и безвозвратно минувшем жгали моё сердце в комок. Заставили его бешено колотиться. Слёзы стыда и боли выступили у меня на глазах. И мне до жути, до дрожи в руках захотелось немедленно, разделаться с этим маминым дневником. Я, маленькая песчинка Вселенной, сейчас страдала и плакала по невозвратно утерянному....

То, что было понятным, важным и необходимым ещё вчера и даже сегодня утром, отошло куда-то вдаль. Всё ранее со мной происшедшее как-то вдруг потеряло свою значительность. А важной стала старая истрёпанная амбарная книга, исписанная рукой моей матери.

* * *

ДНЕВНИК:

«Ада ничего не знала о судьбе своей любимицы. Тётка в самом начале войны перебралась в село к родственникам. До тех пор она их сторонилась. А в лихую годину они и пригодились. О Любе она не волновалась. Знала, что её девочке в эвакуации не придётся страдать из-за голода, холода или других напастей. Любин муж был человеком предприимчивым. Умел устраиваться в жизни при любой власти и при любых обстоятельствах. Не ведала Ада и о том, что стала уже вдовой, так как её третьего мужа Родю немцы застрелили через открытое окошко. Увидели немолодого мужчину, сидящего около стола, и выстрелили наугад. Потренировались на живой мишени. Одним убитым больше, какая разница, в конце-то концов...»

А Люба стала участницей ещё одной драмы. В тот двор, где её прятали сердобольные люди, вполз раненный солдат. Люба помогла соседям выходить его. Солдатик был совсем ещё юн. Между молодой женщиной и юношей завязалась дружба. Может, и любовь пришла бы к ним в своё время. Но на войне мало времени остаётся на любовь. Ей больше присущи ненависть и смерть...

После освобождения города парнишка опять ушёл воевать. Они переписывались. В письмах строили планы на дальнейшую мирную жизнь. Даже решили после войны соединить свои судьбы. С огромным нетерпением ждала Любаша писем с фронта. Но парень тот он погиб в самые последние дни войны. Вот так закончился ещё и не начавшийся роман. Не судьба...

Послевоенная жизнь была невероятно сложна. Голод, разруха. Но это для одних. А другие... Другие жили так, будто и не было вовсе долгой и изнурительной войны.

Возвратился Любин муж из эвакуации уже большим начальником. Она и слышать о нём не желала. Предательство нельзя прощать. Да вмешалась Ада. Уж очень большим начальником заделался её зять. Люба, наслушавшись советов названной матери, вернулась к мужу. Родились сыновья – любимые внуки Ады. Семья поселилась в самом престижном районе города. Их благосостояние неуклонно росло. И Ада гордилась этим чрезвычайно. Старалась при любой возможности унижить своего родного племянника Матвея, вернувшегося с каторжных работ из Германии. Показать ему, кто он и чего добился в своей жизни. Матвей молча терпел тёткины нападки. Ведь он проживал в одной квартире с Адой. Ему некуда было уйти. Благополучие сестры его радовало. В Моте напрочь отсутствовала зависть.

Не знаю, не ведаю, как стало возможным для Любы возвращение к мужу. Прожить всю оставшуюся жизнь с предавшим тебя человеком, занять общих детей. Такой жизни и врагу не пожелаешь...

Я сама себя спрашиваю, зачем пишу этот дневник? И почему не описываю день сегодняшний, а вспоминаю давно прошедшее, пережитое не только лишь мной, но другими людьми?

Пишу о днях давно минувших. Словно прошлое говорит со мной и просит: - Вспоминай обо мне, напиши обо всём, не забудь!.. А я и не забываю...»

Действительно, в маминых записях, которые я успела прочесть, отсутствовало описание тех лет, когда мы жили все вместе - единой семьёй. Лишь несколько строк обо мне, о внуке, да и то как-то вскользь. Но мне вовсе и не стало обидно. Я поняла, что давно минувшие события полностью завладели моей мамой, да так и не отпустили её до самого последнего часа...

* * *

ДНЕВНИК:

«Опять долго не писалось. Болело сердце. Не было желания ни писать, ни

даже раскрывать эту большую тетрадь – книгу. Порой я жалею о том, что, словно живому человеку, поверяю ей свои мысли. Много думаю, волнуюсь, переживаю...

Воспоминания хороши лишь тогда, когда спустя время они перестанут тревожить. Отболело, можно вспоминать. Но это не мой случай...

1947 год. Я приглашена на свадьбу близких друзей. В маленькую квартирку набилось много народа. Крики, смех, кутерьма. Вдруг среди шума и веселья я ощутила на себе чей-то взгляд. Обернулась. На меня смотрел высокий чернобровый молодец. Это был уже не юноша, а зрелый мужчина. Его тёмные блестящие глаза серьёзно вглядывались в моё лицо, будто отыскивали в нём что-то. Он был высокого роста. Держался прямо, оттого казался ещё выше, чем был на самом деле. Мне приглянулся этот человек сразу. Было в нём что-то неподдельно искреннее и наивное. Его задумчивый взгляд проник в мою душу. Так я познакомилась с Матвеем! Порой судьба сводит двоих, и они сразу же понимают, что им несказанно повезло в жизни, что они наконец-то нашли в этом безумном мире друг друга. Вот так и произошло с нами – со мной и с Матвеем...

Каково же было удивление Мотиной тётки, когда в один из дней он пришёл домой не один. Ей сложно было понять и принять то, что презираемый ею и никчемный по её же меркам человек понравился умной красивой девушке. А та ещё и много моложе её племянника. Ада вовсе и не пыталась при нашем знакомстве скрыть своё мнение о Матвее. Даже наоборот. Но её суждения ничего для меня не значили. Я нашла в Матвее родственную душу. И в том же году мы поженились. Одно лишь омрачало наше счастье – жить пришлось вместе с Мотиной тёткой в её квартире. Но в те времена выбора у нас не было. Так жили наши друзья, соседи, просто знакомые люди. Порой в одной комнатухе ютилось сразу несколько семей. Пришлось мне приспособиваться.

Но Ада мира не жаждала. Она сразу же предупредила, что заводить детей нам категорически запрещается. А когда узнала, что ребёнок всё же появится на свет Божий, то долго ругала нас. А затем на год переехала жить к своей названной дочери. И тот необыкновенный год, год без Ады, был прожит нами в мире и согласии. Да всё хорошее быстро заканчивается! Зачем скрывать, я очень боялась этой женщины. Всё ей было не так. Ко всему она придиралась. К огромному сожалению, мы в этом аду прожили почти пятнадцать лет. И потому невероятно жаль, что самое прекрасное и неповторимое время моего замужества прошло в стычках с Адой и в обоюдном неприятии друг друга. Да вряд ли бы было иначе. Ада, кроме себя, любила лишь Любу и её детей. Влиятельный зять обеспечивал семью всем самым лучшим. И потому Ада благоволила к нему. И прощала все его прегрешения. Думается мне, что у него их было предостаточно...

По меркам Мотиной тётки ни сам Матвей, ни его семья не заслуживали её любви и уважения.

Большой начальник, Любин муж, переселил тёщу в свой же дом, в квартиру этажом повыше. Вот так и разошлись наши пути. Но молодость и утраченное здоровье уже невозможно было вернуть.»

Да, я знала, что бабушка Ада противилась моему рождению. Более того, она заявляла, что рождение нежеланного ребёнка разрушит жизнь всех обитателей маленькой квартирки. Аду вполне устраивали Любины дети – двое мальчиков, погодков. Помнится мне и то, как меня постоянно все ругали. Даже тогда, когда я абсолютно ничего плохого не делала. А в те дни, когда в гости к бабушке Аде приезжали любимые ею внуки, меня и вовсе не приглашали за стол, уставленный всякими вкусностями. Мне ничего и не надо было. Я лишь хотела посидеть рядом с братьями, пообщаться с ними. Во дворе, где прошло моё детство, я была единственным ребёнком. И меня все соседи любили и баловали. Каждый старался чем-то угостить, или позвать к себе в гости...

* * *

ДНЕВНИК:

«В нашем маленьком семействе наступали тишь да благодать лишь тогда, когда Мотина тётка уезжала надолго к Любе. Вот тогда мы чувствовали себя единой семьёй. А наша дочь занимала то место, которое ей всегда принадлежало по праву. Она росла умным, воспитанным ребёнком. Жаль - не дано мне было тогда понять, что свою семью, близких людей необходимо защищать всеми силами!»

Мне неприятно было читать эти строки. Вроде мама и осознавала, что в те времена тяжело пришлось не только ей. Но это уже ничего не меняло. Что было, то было.

* * *

ДНЕВНИК:

«Я ни о чём не сожалею. Мы выстояли. Бывало, конечно, всякое. Но мы с мужем всегда были единомышленниками.

От завода, где Матвей долгие годы проработал токарем, мы получили маленькую двухкомнатную квартиру, показавшуюся нам дворцом! Сколько помню себя, я всегда шла. Мне нравилась моя работа. Приятно было видеть лица тех, кто радовался красиво пошитой одежде. С годами становилось всё сложнее заниматься любимым делом. Подвело зрение.

И вот сию секунду сейчас одна одинёшенька в этой квартире, вспоминаю, записываю свои мысли в большую амбарную книгу, которая каким-то неизвестным мне образом попала в наше жильё. Дочь выросла, вышла замуж. Успела и внука родить, и с мужем разойтись. А с моим Мотей нас разлучила смерть.

Сорок лет мы шли по жизни рука об руку. Могли бы и разойтись, разбежаться в разные стороны не один раз. И причин бывало множество.

Особенно в первые годы супружества, когда Ада постоянно присутствовала в нашей жизни. Случалось, что муж ревновал меня. Иной раз и мне пытались сообщить о его похождениях. Но в это как-то мало верилось тогда и также не верится сейчас. Мы оба считали предательство тяжким грехом. Всё в этом мире когда-нибудь заканчивается. И наша любовь, переросшая с годами в дружбу, канула, растворилась в Вечности!»

Прекрасно мама написала об их отношениях с отцом. И как это звучит поэтично, складно и умно. Я не ожидала такое прочесть. Мы много не знаем о себе самих, так как постичь всю глубину другого! Частенько моя суровая бабка повторяла, что «чужая душа – потёмки!». А мне кажется, что и своя-то душа не намного понятнее...

* * *

ДНЕВНИК:

«Сижу у окна. Вспоминаю. Когда-то здесь устраивались семейные праздники. Более всего любили мы отмечать день рождения дочурки. Праздничный стол был прекрасно сервирован. Множество закусок стояло на нём. А моё коронное блюдо всегда находилось посередине стола: на большой фарфоровой тарелке горкой возвышалось картофельное пюре, по бокам – тушеная капуста и румяный, зажаренный перед приходом гостей кролик. Слегка подвыпивший Мотя всегда произносил шуточные тосты. А гости чувствовали себя радостно и уютно в нашем хлебосольном доме...»

Любимая фарфоровая чашечка, оставшаяся в гордом одиночестве, все остальные предметы давным-давно разбились, согревает меня своим теплом. Старый чайник привычно стоит на плите, всегда наполненный доверху кипятком. И я сижу среди привычных вещей и думаю, думаю. О Жизни. О Смерти. О тех, кто покинул меня навсегда. И о близких мне людях, которых покину я в положенное судьбой время! И о Боге!

Пришли на ум строки из чужого стихотворения. Если запомнились, то, значит, и понравились. Как будто кто-то подслушал мои мысли и записал их:

В мягкой глуши лесов
И в дребезжащем автобусе
Скажется вдруг без слов
Не оставляй меня Господи!..*

*Господи, ты же есть -
Вечером над причалом
Ты оставляешь след
Тонким лучом прощальным...»*

Стихами заканчивалось мамино повествование о себе и о тех, кого она любила и помнила всю свою жизнь. Может быть, смерть прервала эти записи. Или пропало желание делиться со старой амбарной книгой своими мыслями. Этого мне уже не дано узнать.

И опять моё сердце, в который уже раз за этот нескончаемо длинный день, бешено заколотилось. Его удары отзывались в теле неистовой болью.

Внезапно подумалось, что в каждодневной суете и беготне, в своём искусственном раю я всегда пыталась спрятаться, убежать, скрыться от проблем дня насущного. И вот теперь материнский дневник заставил меня призадуматься о многом - и о своих корнях, мало мне известных. И о себе самой, о матери, которая столь задушевно напомнила о родных и близких мне людях, которых я знала и любила. И даже о тех, с кем по жизни не суждено было встретиться. И мне вновь захотелось реветь. Или и того хуже – вопить, кричать и даже выть. Мне так захотелось увидеть и обнять мать! Годы непонимания, размолвок и всякой другой ерунды - отошли, исчезли. И осталась лишь огромная любовь её ко мне. И моя – к ней!

ЭПИЛОГ

Кажется, я задремала над маминым дневником. И в кухне стало совсем темно. Я попыталась слезть с подоконника, но поняла, что нахожусь не в кухне, а почему-то сижу на полу в той комнате, где с раннего утра наводила порядок. Но ведь сидела-то на подоконнике в кухне! Смотрела в кухонное окошко. Думала. Читала. Даже заметила старый мамин любимый чайник на его обычном месте. На моих коленях лежала тяжёлая амбарная книга, в которой мама педантично описала события давно минувших лет.

Опустив глаза, я вздрогнула: нигде рядом с собой не заметила мамин дневник!

Я обошла квартиру. Дверь закрыта. Кухонное окно - тоже. И на газовой плите не стоял мамин любимый чайник. Я вдруг вспомнила, что выбросила его сразу же, как только начала уборку в квартире. Что же это со мной происходит?! Я же явственно помню и себя, сидящую на подоконнике, и открытую на последней странице книгу. И те строки, из неизвестного мне стихотворения, что поразили и своей точностью, и простотой. Ими и заканчивалась старая амбарная книга, мамина подружка и наперсница:

*Что же, не благоволи.¹
Знаю, что недостойна.
Мне и мелькнувшей вдали
Росчерком – птицы довольно...*

Я запомнила, слово в слово, то стихотворение. Отчётливо помню, как задумалась надо всем, о чём прочла сейчас. Безусловно, подумала я тогда, жизненные истории случались и более трагичные. В них жертвы обстоятельств, обмана, предательств не только не дожили до старости, но и не получили даже малости из отпущенного им судьбой жизненного срока. Я не позабыла и того, как грустно, тягостно и больно мне было читать мамины откровения. Подумалось тогда, что родственнее узы - это действительно что-то очень важное, нерушимое. А ещё пришло на ум: мы оба, я и мой сын, получили наследство. И каждый из нас – своё...

Да что же со мной происходило весь это длинный день, и что происходит сейчас?! Я же помню каждое слово, каждую строчку, написанную до боли знакомым почерком. И все те чувства, что пробудила во мне старая толстенная книга! Почему и за что родные стены так зло подшутили надо мной?

Больше я не могла и не хотела оставаться в этом замкнутом пространстве ни единой лишней секунды!. Схватила ключи и выбежала из квартиры. Захлопнула дверь. Ключи вбросила в почтовый ящик, как и было уговорено заранее с новыми хозяевами.

Кровь стучала в ушах. Ветер гнал всё дальше и дальше от дома. В какой-то момент мне даже показалось, что я услышала грудной голос матери и слова, прошелестевшие надо мной:

¹ Стихотворные строки Галины Михайловской.

- Не забывай, помни ...

Но я уже была на освещённой улице. Навстречу мне шли люди. Они шутили, смеялись, громко разговаривали - Жили...

ЗАЙДЕЛЬ Вера.

Родилась в Украине 22 июня 1951 г. Совершила алию в марте 1991 г. Живёт в Ашдоде. Печаталась в израильском журнале "Русское литературное Эхо", в петрозаводской газете "Провинциальный Интеллигент" и московской "Интеллигент". Вошла в шорт-лист российского конкурса "Белая скрижаль" (2010). Награждалась Советником Посольства России в 2011 году. Дипломом за сохранение традиций русской литературы в современном творчестве. Некоторые произведения переведены на украинский язык.